

Святослав Логинов

Ганс Крысолов

Святослав Логинов

Ганс Крысолов

«Автор»

Логинов С. В.

Ганс Крысолов / С. В. Логинов — «Автор»,

Рассказ-притча о Гансе Крысолове – человеке, обладающем удивительным умением - игрой на своей дудочке он может отдавать приказы всем живым тварям. Ганс готов поделиться своим мастерством – и его самыми верными учениками становятся дети. Но он стремится не просто научить их своему поразительному ремеслу, но и привить представления об истинной доброте и справедливости. И жизнь предоставляет ему возможность на деле показать – на какие жертвы он сам готов пойти ради своих принципов...

© Логинов С. В.

© Автор

Святослав Логинов

Ганс Крысолов

Господь, спаси моё дитя!
Немецкая народная баллада.

Всюду жили чудеса. Они прятались под метёлками отцветшей травы, в позеленевших от жары лужах, среди надутых белых облаков, украшавших небо. Чудеса были любопытны, они тянулись к Гансу, старались дотронуться, согнувшись в три погибели выглядывали из-под кустов. Ганс не обижался, он и сам был любопытен. Если смотрят – значит так им лучше, не надо мешать. Вот и сейчас Ганс знал, что кто-то притаился за ветками, не решаясь выйти. Ничего, в свой срок покажется и он.

Ганс развязал котомку, достал ржаной сухарь и начал громко грызть. Оставшиеся крошки собрал на ладони, широко раскрыл её, показывая всем, и тихонько посвистел. С ближайшего дерева слетела пара пичуг – незнакомых, их Ганс видел первый раз. Усевшись на краю ладони, птички принялись быстро клевать. От частых осторожных уколов больно и сладко зудела кожа.

– А теперь, что надо сделать? – спросил Ганс.

Пичуги вспорхнули, но через минуту вернулись снова, уронив на ладонь по тяжёлой перезревшей земляничине. Слизнув ягоды, Ганс поднял к губам дудочку и взял тонкую ноту, пытаясь повторить утреннюю песню синицы. Но замер, не услышав даже, а просто поняв, что тот, кто возился за кустами, дождался своего часа и вышел.

Ганс медленно поднял взгляд. Перед ним стояла босоногая девочка лет семи, в замаранном и во многих местах заштопанном платице. Девочка держала за руку мальчугана четырёх лет. Сразу было видно, что это брат и сестра. Мальчуган стоял, вцепившись в руку защитницы, и сопел, настороженно разглядывая Ганса. Руки и щёки детей были густо измазаны зеленою, землёй и земляничным соком.

Ганс улыбнулся.

– Ты тут колдуешь? – спросила девочка.

– Я тут обедаю, – сказал Ганс.

Он достал из сумки ещё один сухарь, протянул:

– Хочешь?

– Ты колдуешь, утверждающе произнесла девочка. – Я видела. И место тут волшебное, мы всегда приходим колдовать на эту поляну, потому что здесь под землёй самая середина ада.

– Да ну?! – удивился Ганс. – И как же вы колдуете?

– Надо взять лапу от чёрной курицы, старую змеиную кожу, и три капли крови невинного младенца, положить всё в горшок, который ночь простоял на кладбище, залить водой и варить целых три дня. Если потом обрызгать себя этим варевом, то сразу станешь невидимым.

– И получается? – с интересом спросил Ганс.

– Три дня варить надо, – пожаловалась девочка. – Вода выкипает, а добавлять нельзя.

– А где ты собираешься взять кровь невинного младенца?

– А он на что? – девочка дёрнула за руку брата. – Гансик, ты ведь дашь крови?

– Дам, – важно сказал мальчик.

– А я его потом колдовать научу. Так всегда делают. Когда я была невинным младенцем, старшие девочки у меня тоже кровь брали. Кололи палец и выжимали кровь...

Ганс не выдержал и расхохотался.

– Значит... когда ты была... невинным младенцем!.. А сейчас ты кто?..

– Я погибшая душа, обречённая геенне огненной, – личико девочки оставалось совершенно серьёзным. – Господин священник говорит, что все, кто учится колдовать, губят душу.

– Вот что, погибшая душа, – сказал Ганс, – давай есть сухари. У меня ещё много.

Он дал детям по большой корке и, когда они уселись рядом на траву, сказал:

– Брата твоего зовут Ганс, меня – тоже Ганс, а тебя как?

– Её Лизой зовут, – объявил Гансик.

– Значит ты, Лизхен, очень хочешь быть невидимой?

– Нет, – ответила Лизхен, – просто это легче всего получается, Чёрных кур у трактирщика полно, а змеиную кожу в лесу найти можно. Это же не верблюды.

– Зачем тебе верблюд? – изумился Ганс.

– Будто сам не знаешь? Головы приставлять. Людвиг нашёл у отца на чердаке медную лампу. Это же все знают: если намазать медную лампу верблюжьей кровью, а потом зажечь, то все, кого лампа осветит, представятся с верблюжьими головами и так будут ходить, пока не вымоешь лампу святой водой.

– Здорово! – признался Ганс. – хотя я видел много верблюдов и ещё больше медных ламп, а вот человека с верблюжьей головой ни разу не встречал.

– Так я и знала, что врут про головы! – в сердцах сказала Лизхен. – А вот ты лучше скажи, почему тебе птицы ягоды носят и совсем не боятся?

– А ты меня боишься?

– Нет, – призналась девочка. – Ты хоть и колдун, но не страшный. Ты добрый.

– Вот и они не боятся.

– А меня научи так.

– Хорошо, – сказал Ганс. – Я пока поживу здесь, ты приходи, я буду тебя учить.

– А мне можно? – ревниво спросил Гансик.

– И тебе.

– А Анне? Она внучка плотника Вильгельма.

– И Анне. Всем можно.

* * *

На следующий день они пришли ввосьмером. Кроме Лизхен и Гансика пришла долговая девочка Анна, аккуратно одетый Людвиг принёс знаменитую лампу, явился беспризорный бродяжка Питер – беглый ученик трубочиста, маленький и неестественно худой. Ещё были два Якоба – сыновья подмастерьев кузнечного цеха, один из них вёл двухлетнюю сестрёнку Мари.

Ганс к тому времени кончил копать землянку и собирался отдохнуть.

– Ого! – воскликнул он, увидев ребят. – Как вас много! Если так пойдёт и дальше, то скоро весь город Гамельн переселится на мою поляну.

– Обязательно! – радостно отчеканила крошка Мари.

– А Гамельн большой? – с притворным испугом спросил Ганс.

– Очень, – подтвердила Лизхен. – Он больше Гофельда и Ринтельна. Только Ганновер и Ерусалим ещё больше.

– Тогда в моей землянке все не поместятся...

– Мастер, – бесцеремонно перебил бывший трубочист, – покажите, как вы птиц приманиваете.

Ганс достал дудочку. Звонкий сигнал взбудоражил лес. Кто-то завопил на верхушке дерева, зашуршал в траве, замер, уставившись чёрными капельками глаз. Первыми с ветки дуба спорхнули два лесных голубя. Они опустились Гансу на плечо и громко заворковали, толкаясь сизыми боками. Питер сглотнул слюну, в его глазах мелькнул огонёк. Голуби мгновенно взлетели.

– Мне можно? – спросил Питер.

Ганс протянул дудочку. Питер засвистел.

– Ничего... – растерянно сказал он.

– Ничего и не получится, – подтвердил Ганс. – Чтобы тебе поверили, надо быть добрым, а ты сейчас всего лишь голодный.

– Тогда пусть уходит и не возвращается, пока не поест, – решительно сказал Людвиг.

– Ты полагаешь, что это и есть доброта? – спросил Ганс.

Людвиг покраснел. Он развязал поясную сумку – вероятно, точную копию отцовской, достал оттуда два куска хлеба с маслом. Один протянул Питеру, другой, поколебавшись, разломил пополам и отдал Гансику и Мари, успевшим устроиться на коленях у Ганса.

– Это уже лучше, – улыбнулся Ганс.

Рыжая белка сбежала вниз по стволу, прыгнула на руки Гансу, уселась столбиком, потом ухватила лапками за кусок хлеба, который держал Гансик. Гансик засопел и потащил к себе хлеб вместе с белкой. Белка зацокала.

– Тише, тише, – сказал Ганс.

Он отломил от куска корочку белке, остальное вернул мальчику. Мир был восстановлен.

– Его так не бояться, хоть он и жадный, – с завистью протянул Питер, облизывая масляные пальцы.

– Выходит, не такая простая это вещь – добро, – сказал Ганс. – Вот мы сейчас и подумаем вместе, каким оно может быть. Без этого у нас с вами ничего не выйдет.

Разговор затянулся на весь день. Ганс объяснял, спрашивал, показывал. Голос его охрип, губы распухли от непрерывной игры. Белка несколько раз убежала и возвращалась, стайками налетали шумливые птицы. Детишки ошалели от чудес и устали. Они съели все сухари, что были у Ганса, и кучу земляники, собранной суматошными дроздами. Мари уснула, свернувшись на расстеленной курточке Людвига. Гансик играл с белкой. Остальные всё выясняли, какой должна быть волшебная доброта.

– Если белка ко мне придёт, а я её схвачу? – нападал старший Якоб, умный мальчик, единственный кроме Людвига, умеющий читать. – Её же зажарить и съесть можно. Питер, вон, ест белок.

– Как её есть, если она любимая?! – крикнула Лизхен, а Анна, за весь день не сказавшая и десяти слов, молча пересела поближе к Гансику, чтобы в случае беды защитить белку.

– А как ты любимую курицу кушаешь? – не сдавался Якоб.

– Она по-другому любимая.

– Получается, что доброму человеку охотиться нельзя? – спросил Людвиг.

– Можно, – сказал Ганс, – но если ты пошёл за белкой, то не зови её. Пусть она знает, что ты её ловишь.

– Зачем?

– Иначе будет нечестно. Давайте разберём, может ли доброта обманывать... – Ганс обвёл глазами ребят и вдруг заметил, что уже вечер.

Летом темнеет поздно, солнце было ещё высоко, но в воздухе звенела совсем вечерняя усталость. Гансик, оставив белку, прикорнул рядом с Мари, проголодавшийся Питер сосредоточенно жевал листики щавеля.

– Хотя об этом мы поговорим в другой раз, – поправился Ганс. – Если хотите, приходите сюда... послезавтра. Завтра я пойду на заработки.

– Разве вам тоже надо работать? – удивлённо спросил младший Якоб.

– Работать надо всем, – сказал Ганс.

Он взглянул на спящую Мари, уже перекочевавшую на руки к брату, и добавил:

– Обязательно.

* * *

Городской лес тянулся от реки на восток, где грядой стояли невысокие, но крутые горы. Лес прорезала тропа на Ганновер, а у самой реки он был вырублен, земля распахана. Городские, церковные и свободные крестьяне селились там бок о бок в хуторах и маленьких деревеньках.

Туда и направился Ганс.

Город он обошёл. Он не любил стен, тесноты людского жилья, вони, грязи. В деревне всего этого нет – кто испачкан в земле, тот чист. Поэтому ночевать Ганс старался в поле или в лесу, а на заработки ходил в деревню.

Довольно быстро Ганс вышел на небольшой хутор. Здесь жили свободные зажиточные крестьяне – бауэры. Два пса бросились навстречу, исходя лаем. Но потом узнали Ганса и смолкли. Из-за дома вышел хозяин. Ганс ударил в землю посохом, на верхушке которого болталась связка высохших крысиных лап и хвостов.

– Мышей, крыс выводить! – закричал он.

– Проваливай! – отвечал хозяин, – А то собак спущу.

– Спускай! – Ганс рассмеялся.

Он подошёл к большому псу, и тот, радостно заскулив, принялся тереться лобастой головой об ноги Ганса. Пушистый хвост бешено молотил воздух.

– Слово знаешь... – одобрительно проворчал хозяин. – Тогда, давай, вывод. Получится – обедом накормлю и с собой дам.

Ганс пошёл к амбару, на ходу доставая дудочку. Пронзительно свистнул, затем последовала мучительная дребезжащая трель. В амбаре послышался шорох, что-то упало. Псы протяжно завывали. Ганс продолжал играть.

Себе на жизнь Ганс зарабатывал изгнанием крыс. Это были единственные живые существа, которые не вызывали у него радости. Они всегда жили около людей, больше всего их было в городах. Никто в мире не видел пользы от крыс. Они грызли, портили, грабили. Если крысе удавалось прижиться в лесу, она принималась разбойничать: без толку разоряла гнёзда, уничтожала жёлтых полёвок, гоняла на берегах речек смирную выхухоль, тревожила даже крота в его глубокой норе. Лесные обитатели словно понимали это и старались избавиться от серых разбойниц. Днём лисы и ястребы, ночью совы выслеживали их и били. Крысы жались ближе к жилью, прятались в погребках и амбарах, но тогда являлся Ганс и выгонял их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.